

И.А.Стернин

Лингвистическая мифология в обыденном языковом сознании

Аннотация: В статье рассматриваются некоторые лингвистические мифы, получившие распространение в обыденном сознании, и проблема их выявления.

Ключевые слова: лингвистика, мифология, стереотипы, научное сознание, языковое сознание.

Abstract: linguistic mythology of common consciousness is studied and methods of its study.

Key words: linguistics, mythology, stereotypes, scientific consciousness, language consciousness .

У Вячеслава Борисовича Кашкина вышла серия очень интересных работ о лингвистических мифах, которые незаслуженно прошли незамеченными в его научном творчестве (Кашкин 2002, 2008, 2009). Эта тематика всегда интересовала и меня (Стернин 2013, Стернин 2014, Стернин 2014-2).

Мы с Вячеславом Борисовичем часто совместно обсуждали эти проблемы и сходились во мнении, что проблема лингвистической мифологии требует внимательного анализа, а лингвистические мифы – научной систематизации.

Данная статья отражает и развивает наши общие с В.Б.Кашкиным подходы к проблеме лингвистической мифологии.

Обсуждение вопроса лингвистической мифологии выводит нас, прежде всего, на проблему существования в сознании людей мифологических концептов – типа *кентавр, русалка, леший, баба-яга* и под., существующих в сознании, но не представленных реальными явлениями в объективной действительности.

В числе мифологических концептов есть определенное количество *лингвистических* мифологических концептов и стереотипов, то есть концептов и стереотипов, отражающих мифологические лингвистические представления носителей обыденного сознания, их бытовое *представление* о языке, особенностях и закономерностях его функционирования.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы в обыденном языковом сознании формируются в результате рефлексии бытового сознания над языком.

К таким мифологическим лингвистическим концептам в русском обыденном языковом сознании, по нашему мнению, могут быть отнесены *чистота языка, порча языка, регресс (деградация) языка, прогресс языка,*

засорение языка, удобство языка, легкость/трудность языка, красота языка, бедность/богатство языка и нек.др.

Есть и мифологические лингвистические стереотипы, например: словарь Даля – лучший словарь русского языка, жлоб – житель Воронежской области; язык, в котором больше слов, хороший и развитый, а в котором мало слов – плохой и неразвитый; раньше в русском языке были хорошие, красивые слова, а сейчас уродливые и некрасивые; русский язык портится; русский язык хотят уничтожить; иностранные слова портят язык; сленг и жаргон портят язык; немецкий язык грубый; итальянский язык красивый; французский язык красивый; финны говорят медленно; английский язык легкий; китайский язык трудный; в зрелом возрасте язык не выучить; русский язык удобнее других языков для общения и т.д.

Есть также псевдонаучные стереотипы, выдаваемые за исследования ученых: от мата вянут цветы, изменяется структура воды и изменяется геном человека; язык – это словарь, а учить язык – это запоминать много слов; русский язык изначально состоял из хороших слов, а плохие слова, например, мат, принесли в русский язык татары, а если не они – то евреи и под.

Любопытно, что обыденное сознание носителей других языков часто весьма похоже на русское. Так, В.Б.Кашкин (2008, с.36-38) приводит сведения французских лингвистов М. Дебрэн и Марины Ягелло об основных мифах французского обыденного языкового сознания: французский язык портится; английский язык – это легко; русский – мелодичный язык; лингвист знает все о языке и о языках; лингвист безошибочно грамотен; лингвист борется за чистоту языка; изучение иностранного языка означает заучивание всех слов этого языка; перевод невозможен из-за принципиальной несводимости одного языка к другому; языки разнятся между собой тем, что одни «бедны», а другие «богаты»; одни языки «просты», а другие «сложны»; родной язык никогда не забывают; ностальгические стереотипы о родном языке часто возникают у людей, вынужденных по политическим или экономическим причинам говорить на другом языке; в китайском языке нет грамматики (понятие грамматика отождествляется с морфологией); если слова нет в словаре, его нет и в языке (это представление устойчиво во Франции); пуризм; возведение «мертвых» языков в идеал; поиски идеального языка; живучесть любого языка связана с его «красотой», «логичностью», «легкостью» или каким-либо другим качеством; французский язык – логичен; французский язык – сложный язык; родной язык богат нюансами и тонкостями, которых нет в более «примитивных» языках и др.

Основными показателями мифологичности тех или иных концептов являются следующие:

1. Мифологические концепты не входят в научную лингвистическую парадигму и не имеют научного определения.

2. Мифологические концепты имеют в языке только метафорическое обозначение, раскрыть их содержание без метафоры оказывается невозможно - они не могут быть истолкованы содержательно как совокупность некоторых конкретных признаков.

3. Они имеют общественно-политическую аксиологию, широко используются в общественно-политических дискуссиях как общественно-политические лозунги, часто - в популистских, а нередко и в националистических целях.

Показателями мифологичности лингвистических *стереотипов* являются следующие:

1. Они не имеют научного подтверждения, распространяются исключительно неспециалистами, «лингвистами-любителями».

2. Носители стереотипов подтверждают эти стереотипы ссылками на мифические научные доказательства фразами типа «ученые установили», «установлено, что» с приведением некоторых мифических цифр, процентов и т.д.

3. Подобные стереотипы устойчиво передаются из поколения в поколение, причем на их существование не влияет многократное опровержение этих стереотипов учеными и специалистами, поскольку носители и распространители таких стереотипов не общаются со специалистами либо заранее отвергают их пояснения, объявляя научные пояснения неправильными, устаревшими или антипатриотичными.

Прокомментируем некоторые из вышеназванных лингвистических мифов.

Богатство языка

Нет никаких научных критериев для определения, «бедным» является язык или «богатым»: любой язык полностью удовлетворяет потребности своих носителей благодаря полисемии, синонимии, словообразованию либо заимствованиям. Тем самым любой «действующий» язык – богатый.

Сложность языка

Для лингвиста не существует понятия «сложности языка» или даже «сложности для изучения» языка. Это тоже мифологический концепт - сложно или легко изучать не язык вообще, а конкретный язык конкретному человеку с конкретной языковой подготовкой, конкретным родным языком, конкретным знанием других языков, лицу конкретного возраста, с конкретными целями изучения языка и т.п.

Порча, загрязнение, засорение языка

Общераспространенным практически во всех развитых странах является мифологический стереотип о *загрязнении, засорении языка* - о том, что язык портится и загрязняется. *Порча, загрязнение, засорение языка* – тоже мифологические концепты. В лингвистической науке нет содержательных критериев «чистоты языка». Нет научных критериев «здоровья» языка или его «чистоты» – это все оценочные суждения, основанные на личных вкусах, пристрастиях или просто заблуждениях конкретного носителя языка.

Популярный стереотип - *надо бороться за чистоту языка*. Бороться надо за *культуру речи*, а не за чистоту языка.

Для лингвиста понятно, что любой язык развивается и изменяется, и ни то, ни другое не является его порчей или загрязнением. С точки зрения лингвистики нельзя дать оценку тех или иных изменений с позиции «хорошо-плохо» или «прогресс-деградация», хотя такие оценки регулярно «выдает» мифологическое языковое сознание носителей языка и они «гуляют» в общественном сознании.

Кризис языка

Мифологичен концепт «кризис языка». Язык зеркально отражает состояние современного ему общества, и он принципиально не может быть в кризисе, поскольку является системой знаков, которая обслуживает общество, полностью отражая и удовлетворяя его текущие коммуникативные потребности. В кризисе может быть общество, но не его язык. Однако может наблюдаться кризис культуры речи – когда люди перестают следить за своей речью (это у нас сейчас наблюдается), но это *кризис именно культуры речи*, а не языка как системы номинативных знаков.

Еще один распространенный стереотип – *новые иностранные слова портят язык*.

Любые новые слова, в том числе иностранные, сленг, жаргон *язык* не портят, они язык *обогащают*, обеспечивают динамику его развития. Для любого языка увеличение словарного состава в любом его «сегменте» – благо, так чем больше слов, тем больше у языка номинативных возможностей, тем он удобнее для выполнения коммуникативных функций в разных ситуациях его использования. Новые иностранные слова могут «портить» *речь людей* – если они в тех или иных случаях неправильно употребляются, непонятны собеседнику или аудитории, когда они наносят ущерб пониманию смысла слушателями. Сленг и жаргон портят речь человека, если человек использует их в публичной речи, в общении с незнакомыми или малознакомыми, в общении со старшими и под. – то есть неуместно, не в тех ситуациях, для которых эти слова предназначены. А между «своими» такие слова могут быть уместны, там им и место.

Именно описанные выше концепты относятся нами к категории мифологических – то есть отражающие не объективную действительность, не научно установленную данность, а некоторое устойчивое псевдонаучное бытовое представление о языке.

Однако для языкового сознания мифоносителей смысл рассмотренных выше мифологических концептов и стереотипов предельно ясен: признание этих понятий предполагает, что языком можно руководить через разного рода постановления запретительного свойства, к принятию которых мифоносители регулярно призывают.

К сожалению, такое восприятие нередко находит отражение и в официальных документах, и особенно в их проектах (например, к счастью,

отклоненный Думой проект В.В.Жириновского с его коллегами о запрете в русском языке «иностранных слов, имеющих общеупотребительные аналоги» - типа *менеджер*, вместо него В.В.Жириновский предлагал использовать слово *приказчик*).

Частота и общественный резонанс обращения к этим концептам и стереотипам в современной социальной действительности требуют проявления к ним особого научного внимания, чтобы общественное мнение и деятельность не были бы направлены по ложному пути и не использовались для социальной демагогии и борьбы с ветряными мельницами.

Данную проблему исключительно правильно и научно корректно поставил известный сибирский ученый профессор Н.Д.Голев. Приведем с незначительными сокращениями его рассуждение:

«.. зададимся вопросом, почему проблемы языкового строительства переданы в ведомство Министерства *образования и науки*. То, что вопросы, связанные с русским языком, трактуются в первую очередь как образовательные, понятно, поскольку соответствуют базовым презумпциям обыденного сознания. «Школьноцентризм» обыденной лингвистики синонимизирует выражения «владеть языком» и «овладевать языком» (в смысле «овладевать знаниями о языке») и тем самым увязывает русский язык со школьными знаниями, а последние – со школьным курсом орфографии.

Приказ Министерства образования и науки РФ о создании межведомственной комиссии по русскому языку от 2 декабря 2004 г. № 124, подписанный А. А. Фурсенко, начинается следующей преамбулой: «*В целях развития, распространения и сохранения чистоты русского языка как государственного языка Российской Федерации, языка межнационального общения приказываю...*». На наш взгляд, модус этой преамбулы несколько отличается от того, что предписывает данной Комиссии постановление Правительства РФ, подписанное М. Фрадковым. Предписано обеспечить *правовое функционирование* русского языка в качестве государственного. Комиссия понимает свое предназначение более расширительно. В преамбуле приказа Комиссии используется традиционная идеолого-политико-публицистическая риторика, призывающая бороться за чистоту и распространение русского языка во всех сферах его функционирования, а не только одной юридической. Такая идеологизация – характерная для российского общественного менталитета черта. Так, в свое время был идеологизирован Проект Федерального закона о русском языке, по поводу чего 6 июля 2002 года в Государственном институте русского языка им. А. С. Пушкина президент ГосИРЯ им. А. С. Пушкина, акад. РАО В. Г. Костомаров сказал следующее: «...В предлагаемом проекте есть два совершенно разных, качественно разных объекта законодательного регулирования. Первый – это функциональный, а второй – это то, что юристы называют корпусный. Что касается функциональной стороны, то здесь законодательно все очень легко

сделать. Мы можем сказать: судье можно использовать только русский язык. Мы можем сказать, что нельзя получить российское гражданство, не сдав экзамены по русскому языку. И так далее, и так далее. Мы можем сказать, что государство наше, если оно хочет себя хорошо поставить на международной арене, должно заниматься, как французы это делают, сознательным экспортом своего языка и своей культуры и т. д. А вот корпусная сторона, т. е. внутреннее развитие – прогресс, регресс самого языка, – зависит не от законов общества, а от внутренних законов развития – вообще языков или данного языка. Насколько эти законы подвержены сознательному регулированию человеком или обществом? Вопрос открытый, на него есть много разных ответов».

Отсюда становится понятно, почему сугубо юридический феномен – государственный язык – оказался в ведении Министерства образования и науки.

Что касается компонента «образование», то – отметим еще раз – увязка русского языка со школой обыкновенна для «обыденной социолингвистики», поэтому с научной, объективистской, точки зрения этому удивляться не приходится. Но и к административному руководству наукой как обязанности Министерства забота о чистоте русского языка, кажется, никак не должна относиться. Это, скорее, относится к ведению министерства культуры, поскольку речь в «корпусной части» рассматриваемых законов идет о речевой культуре. Для реализации собственно научного подхода к проблеме нужно было бы по логике вещей организовать **исследование** объективных законов функционирования языка в разных сферах, теоретическую разработку понятий типа «чистота и порча языка» и уже на этой основе, **если будет обоснована необходимость и возможность** «чистки», разрабатывать законы, регламентирующие функционирование тех или иных участков языка. Но Министерству и Комиссии эти вещи не кажутся предметом научных изысканий. По-видимому, они представляются им само собой разумеющимися вещами, не нуждающимися в научном обосновании, комиссия априори знает, почему, зачем и как нужно улучшать язык и что означает улучшение. Не приходится удивляться в связи со сказанным, что в составе комиссии, готовившей вышеназванный проект Закона о русском языке, было очень мало профессиональных лингвистов» (Голев 2009, с.383-385).

Полностью согласимся с предостережением Н.Д.Голева: в настоящее время «есть опасность, что ученым придется оперировать концептами естественного языка, оставшись в определенном смысле в лоне наивной науки...., пользоваться ценностями, представлениями и мифами обыденного сознания и приказами политиков. ... Именно научный подход к языковому строительству должен быть противопоставлен линии официализации и легитимизации языка, вытекающей из представлений обыденного национального метаязыкового сознания. При этом важно подчеркнуть, что научный подход подразумевает объективность

обыденного фактора и его реального воздействия на все сферы функционирования языка; в том числе воздействия представлений о языке в сознании рядовых носителей русского языка, независимо от того, насколько они соответствуют представлениям научным. Этот фактор должен учитываться (а для этого предварительно изучаться), а не игнорироваться» (Голев 2009, с.396).

Н.Б.Лебедева выделяет 4 вида знаний в структуре языкового сознания, каждое из которых может быть осознанным и неосознанным:

1.«**Знание языка**» – это языковая компетенция, умение говорить и понимать. Знание языка предполагает владение языком как родным, полученным в дар от своих родителей («материнский язык»), так и неродным, приобретенным позже (второй язык). Сфера **неосознаваемого** знания языка предполагает спонтанное владение языком, основанное на интуиции, на «чувстве языка», включает механизмы автоматизма, навыка. Выбор слов, грамматических норм, стилистических средств в этой сфере происходит спонтанно, опираясь на языковое чувство, чутье. Обучение родному языку также происходит в очень ранний период детства также спонтанно, автоматически» (Лебедева 2009, с.61).

2.«**Знания о языке**» ...назовем лингвистической компетенцией пользователей языка, важнейшей составляющей которых являются «спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека...» [Арутюнова, с. 7]. Это метаязыковые знания «простых» носителей языка, не знакомых вообще или знакомых в незначительной степени с «лингвистической премудростью», когда в процессе порождения, и в процессе восприятия речи говорящий и слушающий непроизвольно оценивают речевые произведения как правильные или неправильные» (Лебедева 2009, с.63).

3.«**Знания в языке**» - знания, отраженные в языке, в его грамматических формах, лексике, речевых жанрах. К неосознаваемому виду ментальности «знания в языке» относятся такие понятия, как «языковая картина мира», «языковая категоризация», «образы языка, отраженные в самом языке» [Арутюнова, 2000, с. 7] как часть «образов мира, отраженных в языке» (Лебедева 2009, с.65) .

Знания в языке – это языковая картина мира, то есть отражение действительности в семантике языковых единиц.

4. «**Знания на языке**», которые «включают в себя всю информацию, зафиксированную в текстах, произнесенных и написанных на данном языке, непосредственно воспринятую слушающим и читающим», а также «различные рефлексии по поводу этой информации, в основном, профессионалами (стилистика, литературоведение и пр. науки, основанные на анализе текстов)» (Лебедева 2009, с.65).

Последний вид знаний, представляет собой совокупность языковых высказываний о действительности. Полностью огласимся с Н.Б.Лебедевой, предостерегающей от включения знаний этого типа в собственно языковые («иногда в некоторых концептуальных исследованиях мы находим крен в

сторону интерпретации текстовой информации как языкового – концептуального – знания. Думается, это слишком сильная гипотеза – отождествлять зафиксированное на данном языке (например, в поэтических текстах) с собственно языковым знанием» - Лебедева 2009. с.65). Эти знания находятся в концептуальной сфере и могут в отдельных случаях актуализироваться в речи при вербализации концепта (например, прецедентные знания, текстовые реминисценции – в опоре на их общеизвестность для социума), но частью *языковой* информации они, очевидно, не являются, оставаясь в концептуальной сфере.

Таким образом, исходя из приведенной классификации знаний в структуре языкового сознания, обыденное языковое сознание включает:

1. знание единиц языка и их значений (носителя языка при этом могут не знать единиц или иметь неправильные представления о значении) – языковое знание;

2. знания о языковой технологии (употреблении языка, языковых и стилистических нормах, сочетаемости языковых единиц, коммуникативных нормах, речевом этикете, правилах создания текстов разных типов и жанров, о речевом воздействии) – коммуникативно-языковое знание;

3. знания об устройстве языка, в том числе мнения и суждения о его сложности, богатстве, происхождении, заимствовании, развитии, энциклопедические сведения о языках и эмоциональную оценку разных языков и др. - метаязыковые знания.

Иными словами, в обыденное языковое сознание входят психологически реальные значения слов, правила сочетания слов и построения текстов, акустико-артикуляционные навыки речевой деятельности, нормы и правила коммуникативного поведения, а также рефлексивные знания о языке - мнения и суждения о языке, в том числе мифологические и просто ошибочные. Все это составляет содержание обыденного языкового сознания.

Мифологические лингвистические концепты и стереотипы, таким образом, являются частью обыденного языкового сознания носителя языка.

Разумеется, мифологической составляющей содержание обыденного языкового сознания не исчерпывается, но мифологический компонент обыденного языкового сознания существует, он составляет важную и часто весьма яркую часть обыденного языкового сознания и нуждается в тщательном изучении, тем более что именно на этой части языковой информации в обществе строятся различные политические кампании по «защите» языка, «пропаганде» языка, строится та или иная государственная политика, вырабатывается культурно-образовательная идеология общества.

Исследование проблемы ментальных мифов сознания приводит к необходимости признать наиболее распространенные и вредоносные из

них ментальными вирусами: когда мифами спекулируют, они становятся *ментальными вирусами*.

Ментальный вирус языкового сознания – это стойкое повторяющееся и тиражируемое заблуждение обыденного сознания о языке, некоторый устойчивый миф о языке. Распространению ментальных вирусов надо противостоять научным анализом и разъяснительной работой.

Филологи должны бороться с ментальными вирусами, преодолевать лингвистические мифы в сознании народа. Это позволит повысить уровень владения языком и культурой речи и не будет уводить людей в бесплодные антинаучные умствования по поводу разрушения языка, его порчи, вредоносной деятельности неких мифических злокозненных сил, а будет ориентировать людей на практическую работу по совершенствованию своих языковых навыков и повышению речевой культуры общества.

И еще один важный момент: лингвистические мифы обыденного сознания не могут и не должны поддерживать и транслировать сами ученые, какими бы благими, «патриотическими» и публицистическими причинами они при этом данное обстоятельство не объясняли: долг ученого нести научное, а не псевдознание. К сожалению подобных случаев в последнее время довольно много, ненаучные популистские высказывания делаются публично, будоражат общественное мнение, тем более когда они подаются как выражение патриотизма, любви к своему языку и народу (и всегда, при этом, отметим, скрытой критики других языков и народов).

Популистские мифологические концепты и стереотипы проникают и в научно-популярную литературу по лингвистике и даже в некоторые научные издания.

Укажем в связи с этим на следующие обстоятельства, представляющиеся нам особенно важными и принципиальными.

1. Нельзя при анализе языковых явлений отождествлять язык и речь

Например, не избежал этого известный отечественный специалист по культуре русской речи Л.И.Скворцов, который в статье ЖАРГОН в энциклопедии «Русский язык» написал в конце научной статьи: «Нарочитое или бездумное употребление жаргонной лексики и фразеологии засоряет и огрубляет разг. речь» (с.130). А что такое *нарочитое* употребление? А *бездумное* употребление? Это нарушение норм культуры речи? В чем проявляется при этом «засорение и огрубление разговорной речи»? Каковы критерии засорения речи? Огрубления речи? А *засорение языка* – это что? Все это не характеристика *языка*, а характеристика индивидуальной *речи* отдельных носителей языка, которых критик наблюдает вокруг себя и к речевой деятельности которых он критически относится.

Разграничение языка и речи – базовая аксиома научного исследования и описания языка. Если говорить о языке, его испортить просто нельзя – язык представляет собой склад языковых возможностей для использования их в коммуникации. Каждый берет из языка то, что считает нужным для выражения своей мысли в конкретной коммуникативной ситуации.

Речь отдельного человека может рассматриваться как «испорченная» – то есть такая, которая мне (и, возможно, еще кому-то) не нравится – однако научных критериев хорошей речи, как мы указывали выше, нет.

Есть определенные критерии культуры речи, основной из которых (если не единственный!) – уместность речевого словоупотребления. Но это характеристика именно индивидуальной речи, а не языка как системы.

Уместности речевого употребления можно и надо учить, это и есть формирование культуры речи. Жаргон уместен внутри «своих», внутри группы жаргононосителей, там он выполняет свои функции, но он неуместен в публичной речи, в официальных коммуникативных ситуациях. Если человек этого не понимает, это доказательство его низкой речевой и общей культуры, неумения строить свою речь, но не свидетельство причинения им порчи русскому языку.

Что такое «излишнее употребление иностранных слов»? Кто определит (и кто может определить), сколько можно употреблять иностранных слов, а сколько – уже нельзя? И в каких ситуациях? В каких текстах? Это все вкусовые критерии, причем невербализуемые. А разговоры на эту тему обычно оканчиваются фразами типа «Нет, все-таки должны быть какие-то пределы, границы». А какие? «Какие-то» – субъективно-оценочный, а не научный критерий.

Если мне не нравятся пробки на дорогах, это не значит, что надо призывать к запрету автомобилей, надо упорядочить движение автомобилей и пользование ими. Не нравится речь окружающих – надо учить их нормативности и уместности словоупотребления, а не призывать к запрету тех или иных слов и выражений.

2. Нельзя отождествлять метафорические оценочные высказывания о языке с реальными качествами этого языка

Практически все русскоязычные жители нашей страны и многие иностранцы, изучающие русский язык, хорошо знают знаменитую фразу Тургенева из стихотворения в прозе «Русский язык» (1882) о том, что *русский язык – великий и могучий*. Эта фраза часто повторяется в разных контекстах, и даже является синонимом словосочетания «русский язык» – изучать *великий и могучий*, надо знать *великий и могучий*, имел в школе тройку по *великому и могучему* и под.

Но цитата про *великий и могучий* неполна. Приведем полную цитату: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!.. Не будь тебя — как не впасть в отчаяние при

виде всего, что совершается дома. Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу?»»

Таким образом, русский язык, по мнению И.С.Тургенева, *великий, могучий, правдивый и свободный*.

Это, несомненно, глубоко патриотическое высказывание, в котором писатель в яркой, художественной форме признается в любви к русскому языку. Но какое конкретно содержание он вкладывает в эти четыре слова в данном контексте? И вкладывает ли он конкретное содержание, указывает ли на какие-либо реальные превосходства русского языка?

Рассмотрим значения этих слов в толковом словаре С.А.Кузнецова.

ВЕЛИКИЙ

1. Очень большой, огромный. *Остров очень велик. В-ая удача. В. грех. С великим трудом мы выбрались из леса. К великой радости; к великому стыду; к великому сожалению. В-ое счастье, горе* (о чувствах, оказывающих сильное воздействие на кого-л.). // О большом количестве чего-л. *Народу на народном гулянье было в-ое множество.* (очень много).

2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный. *В-ая цель. В-ое открытие. В. русский язык. Велика роль народных масс в истории. В. день, час чего-л. для кого-, чего-л. // Разг.* Искусный, хорошо разбирающийся в каком-л. деле. *В. мастер пера.*

3. Превышающий среднюю меру, обычный уровень в каком-л. отношении; выдающийся. *Соблазн слишком велик. С великим (величайшим) интересом, трудом что-л. сделать. В. труженик. // Необыкновенно одарённый, гениальный. В. мыслитель. В. учёный.*

4. *только кратк.* Большого размера, чем нужно. *Юбка ей велика. Квартира для троих велика.*

5. *сравн. и превосх. ст. нет.* Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов. *В-ая Отечественная война. В. четверг* (церк.; четвёртый день Страстной недели, когда проходят обрядовые очищения). *В. князь; в-ая княгиня, княжна* (в Российской империи: член императорской фамилии). *В. океан* (Тихий океан). ... *В-ое переселение народов* (крупные племенные переселения на европейском континенте, происходившие в 4 - 7 вв. н.э.). // Постоянный эпитет некоторых выдающихся исторических личностей. *Пётр Великий.*

Наиболее подходят к контексту Тургенева значения 2 и 5:

2. Выдающийся по своему значению, влиянию, по своим достоинствам; очень важный.

5. Отличающийся особыми, выдающимися свойствами. В составе различных названий и терминов.

Если русский язык *выдающийся по своим достоинствам*, то по каким достоинствам? С какими другими языками он сравнивается? Какие другие языки по каким параметрам он превосходит?

Если *отличается особыми, выдающимися свойствами* – то какими?

Эти свойства и достоинства не называются – предполагается, что они есть, для всех они должны быть очевидны. Для публицистики, для эмоционального выражения любви к русскому языку этого оказывается достаточно, для патриотической оценки родного языка – тоже, но конкретной информации о русском языке данное словоупотребление не несет.

Аналогично – **могучий**.

Обладающий большой физической силой, очень сильный (о человеке, животном). *М. лев. М. спортсмен. М. детина.* // Свидетельствующий о физической силе; очень крепкий, жизнеспособный. *М-ие руки, плечи. М-ее здоровье. М. организм.*

1. Очень большой, значительный (по силе, степени, величине); мощный. *М-ая плотина. М-ие скалы. М-ие волны. М. голос. М-ие деревья* (имеющие толстый ствол, густую, раскидистую крону). //Обладающий большой силой, мощью (о воинских соединениях, укреплениях и т.п.). *М-ая армия. М-ие крейсера.*

2. Величественный, грандиозный. *М-ая панорама гор. М. город.*

3. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п. *М. талант. М-ая страсть. Оказать м-ее влияние на кого-л.*

4. Обладающий властью, влиянием; могущественный. *М. правитель. М-ая организация.* < Могуче, нареч. *М. возвышаться над чем-л. М. управлять чем-л.*

Наиболее подходят значения 3 и 4:

3. Величественный, грандиозный

4. Необычайный, исключительный по значению, силе проявления, размаху и т.п.

Но и в этом смысле «могучесть» языка нельзя понимать буквально – а какие языки слабые, не величественные, незначительные по значению, размаху, силе проявления? С чем мы сопоставляем русский язык и какие видим в нем конкретные преимущества перед другими языками по грандиозности, исключительности, силе проявления и т.д.?

СВОБОДНЫЙ

1. Не испытывающий на себе экономического и политического гнёта, давления; независимый. *С-ая личность. С-ые граждане свободной страны. С. народ.* // Свойственный такому человеку, государству. *С. дух. С-ая душа. С. образ мыслей.*

2. Никем не задерживаемый; вышедший на свободу (после заточения, плена и т.п.). *Выходите, товарищи, вы свободны. Я свободен? - Да, можете идти.*

3. Располагающий собой по собственному усмотрению; не связанный с кем-л. какими-л. отношениями, обязательствами. *Когда освободишься? - К шести я буду совершенно свободен. С. как ветер. Свободен в своих поступках, решениях. Свободен в своём выборе. Зачем тебе женатик, разве мало свободных парней? Я женщина свободная, незамужняя. Разрешите быть свободным? (воен.; просьба разрешить удалиться; при обращении к старшему по званию).*

4. Совершаемый без принуждения, давления (по своей воле и желанию); добровольный. *С. труд на благо общества. Сделать с. выбор. С-ое волеизъявление народа.*

5. Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый. *С-ое дыхание. С-ая речь. С-ое отражение. С-ое владение иностранным языком. С-ая поза, посадка в седле.*

6. Не стеснённый запретами; не ограниченный строго определёнными нормами, правилами, формами. *С-ые выборы. С-ая торговля. С. обмен мнениями. С. доступ к архивам. С-ая мысль. С-ые цены* (назначаемые производителями, торговыми организациями и т.п., не определяемые государством; рыночные). ...

7. Не заполненный, не занятый кем-, чем-л.; такой, который можно использовать (о пространстве, должности, времени и т.п.). *С-ое пространство. С-ое купе. С. стул. С. номер в гостинице.*

8. Разг. Лишённый тесноты; просторный. *Квартира большая, с-ая у кого-л. Кухня с-ая, а коридора почти нет.*

9. Не облегающий плотно фигуру; широкий, расклешённый. *С. покрой. С-ая блуза. С. плащ.*

10. от чего. Такой, которому не свойственно что-л.; освобождённый от чего-л. *С. от предрассудков, от подозрений, от страха. Построить общество, с-ое от кризисов. С. от налогов, от податей.*

11. *только полн.* Освобождённый от сцеплений, от нагрузки (о частях механизма). *С-ое колесо. С-ая шестерня. Муфта свободного хода. С. Ход* (основанный на таком принципе действия).

12. *только полн.* Не находящийся в химическом соединении с чем-л. *С. кислород. Железо в свободном состоянии. С. Электрон* (отделившийся от атома и перемещающийся в межуатомном пространстве). *С. Радикал* (химическая частица, образующаяся из молекул путём сцепления отдельных атомов и групп).

13. *Спец.* Осуществляемый без воздействия дополнительных сил, энергии и т.п.; основанный на таком принципе действия. *С-ое падение* (падение тела, обусловленное притяжением Земли). *С. Полёт* (полёт космического летательного аппарата с выключенными ракетными двигателями под действием сил притяжения Солнца и планет).

Наиболее близко значение 5: Совершаемый без помех или напряжения; ничем не затруднённый; естественный, непринуждённый. Но и оно не подходит к языку - язык как таковой не может иметь помех, быть естественным и непринужденным. Это относится к речи. Кроме того, вновь возникает вопрос – а какие языки характеризуются как напряженные, неестественные, принужденные?

ПРАВДИВЫЙ

1. Стремящийся к правде, говорящий правду (о человеке); свойственный такому человеку. *П. характер.* // Выражающий склонность к правде. *П. взгляд. П-ые глаза. П-ое выражение лица.* // Реалистически выражающий жизненные явления в произведениях творчества. *П. художник. В своих произведениях автор прост и правдив.*

2. Содержащий в себе правду, основанный на правде. *П. рассказ. П-ая речь. П-ые показания свидетелей. П-ое отображение действительности.* < Правдиво, нареч. *П. говорить. П. смотреть в глаза. В романе п. изображена наша действительность.* Правдивость, -и; ж. *Отличаться правдивостью. Образы выражены с большой правдивостью.*

Правдивость вообще не может быть применена к языку – правдив может быть человек, автор некоторого высказывания или текста, а не язык, которым он пользуется.

Таким образом, усмотреть какое-либо конкретное, предметное, денотативное содержание в высказывании И.С.Тургенева не удастся. Высказывание целиком носит эмоционально-оценочный характер, общий смысл – высшая положительно-эмоциональная оценка русского языка писателем. **Это метафора, которую нельзя понимать буквально.**

Данные признаки в концепте русский язык, несомненно, являются мифологическими. Наличие таких признаков подтверждается когнитивным анализом концепта *русский язык* в обыденном языковом сознании русских испытуемых (Тавдгиридзе 2005, с.14-15)

Ядро: *богатый* 15,6%; *красивый* 11,8%; *сложный* 11,2%; *выразительный* 7%; *родной* 6,9%.

Когнитивные признаки *богатый* 15,6%; *красивый* 11,8%; могут рассматриваться как мифологические, поскольку объективных критериев богатства языка и его красоты не существует. Таким образом, наиболее яркие ядерные признаки концепта имеют мифологический характер.

Ближняя периферия концепта: *грубый* 4%; *интересный* 4%; *хороший* 3,1%; *доступный* 3%; *международный* 2,8%; *народный* 2,3%; *нужный* 2,1%; *любимый* 2; *школьный предмет* 1,9%; *старый* 1,9%; *звучный* 1,8%;

Мифологический характер имеют признаки *благородный* 2,9%; *великий* 2,7%; *умный* 1,8%; *могучий* 1,7%, остальные допускают рациональную интерпретацию и несут объективную характеристику русского языка – *международный, школьный предмет, старый, нужный*.

Дальняя периферия концепта (9,2%) образована следующими когнитивными признаками: *необычный* 1,2%; *культурный* 0,7%; *плохой* 0,6%; *свободный* 0,7%; *писатели и поэты* 0,6%; *средство общения* 0,6%; *непонятный* 0,6%; *носители языка* 0,6%; *точный* 0,6%; *понятный* 0,5%; *природа* 0,5%; *универсальный* 0,4%; *живой* 0,3%; *веселый* 0,3%; *засоренный* 0,3%; *чувственный* 0,2%; *громкий* 0,2%; *быт* 0,1%; *радость* 0,1%; *литературные произведения на русском языке* 0,1%.

Мифологический характер имеют когнитивные признаки *культурный, свободный, точный, универсальный, живой, веселый; засоренный, чувственный, плохой*.

Как видно из приведенных примеров, мифологическая зона концепта *русский язык* весьма значительна и имеет достаточную яркость в структуре концепта: признаки *великий, могучий, свободный* выделены почти двадцатью процентами испытуемых. Данные признаки отражают в структуре концепта некоторый национальный стереотип, существующий относительно автономно от других компонентов концепта, причем на реальность данного мифа-стереотипа не влияют многочисленные противоречащие ему когнитивные признаки, выделяющиеся в структуре концепта — *грубый, непонятный, засоренный, бедность, неприятный в звучании* и некоторые другие. Данные признаки не входят в ядро концепта *русский язык*, оставаясь в рамках ближней и дальней периферии концепта.

Диссертационное исследование Т.А.Симановой «Развитие концептов «русский язык» и «родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование)» (Симанова 2010) показало, что под влиянием русской культуры и русского языкового окружения в сознании студента – иностранца в концепте *русский язык* формируется следующая мифологическая зона: *романтичный* 0,09; *сладкий* 0,03; *серьёзный* 0,03; *гибкий* 0,01; *независимый* 0,002.

В содержании концепта *родной язык* у этих же испытуемых формируется следующая мифологическая зона: *романтичный* 0,07; *быстрый* 0,04; *мягкий* 0,03; *большой* 0,03; *могучий* 0,03; *ласковый* 0,02; *серьёзный* 0,01; *радостный* 0,003, *элегантный* 0,01; *культурный* 0,01, *независимый* 0,01; *твёрдый* 0,002; *чистый* 0,02; *добрый* 0,002; *честный* 0,002, *яркий* 0,002; *умный* 0,002, *сладкий* 0,02, *хрупкий* 0,002.

Таким образом, оценки русского и своего родного языка иностранцами также носят субъективно-оценочный характер – они метафоричны, эмоциональны, положительно-оценочны, но денотативно не «обоснованы», не мотивированы.

Разумеется, мы не против того, что русский язык можно назвать *великий, могучий, правдивый и свободный*; результаты наших психолингвистических экспериментов показывают, что можно добавить к

этому, что он еще *мягкий, содержательный и умный*, а также – *взрослый, развитый, сильный, мускулистый, вкусный, достойный, скромный, деликатный, дружелюбный* и т.д., но это все надо понимать как метафорическую эмоциональную объективацию субъективной положительной оценки языка, но нельзя рассматривать как отражение реальных качеств, признаков, характеристик русского (и любого иного) языка.

3. Нельзя отождествлять внутреннюю форму слов и выражений с актуальными представлениями говорящих людей и, тем более, с «хранилищем» неких духовных ценностей.

Ср, например, рассуждение профессора-литературоведа: «В лексической структуре русского языка есть глубинные смыслы, которые сохраняют ценностные ориентиры. Например, в русском языке очень много слов с корнем «душ» (душа): душеполезный, добродушный, простодушный. Мы скажем «в комнате ни души», а англичане, как хорошо отметил Михаил Задорнов, - «nobody» (грубо говоря, “ни тела»). В русском сознании человек определялся по душе. В этом большая ценность языка, в частности в политическом смысле: он позволяет сохранить ценности, гуманитарную и гуманистическую составляющие. И это важно, ведь в политике часто фигурируют другие ценности» (ВК, 30 июня 2015, «Поддержки не ощущаем»).

Отождествление внутренней формы слова с некими духовными ценностями народа с научной точки зрения не имеет оснований, это *вульгарная лингвокультурология*. Это, может быть, простительно юмористу Задорнову - он шутит, и все его лингвистические рассуждения ориентированы на то, чтобы вызвать у публики удивление и смех - ср. его пояснение происхождения слова богатырь – кто *богато натырил*), но никак не ученому, тем более филологу.

Ни о какой душе не думает русский человек, когда он говорит *ни души в комнате* – он имеет в виду, что в комнате просто совсем никого нет. Духовные ценности выражение *ни души* не «сохраняет», оно сохраняет лишь указание на свое происхождение. Духовность – феномен сознания человека, его психики, но никак не семантики слова

Внутренняя форма большинства слов вообще случайна, это совершенно случайный признак, по которому впервые народом был назван предмет, явление, действие, признак, память о нем теряется в глубине веков, у большинства корней внутренняя форма давно стерлась.

Почему змея – от *земля* (по земле ползает), а не *извия* – от извивается?

В литературном языке есть слово *одуванчик* (можно сдуть), в говорах его называют *летучка* (летает), *молочник, молочай* (по стеблю), *пухлянка* (от пуха). Какой говор что выбрал, совершенно случайно, и при назывании одуванчика в речи, при пользовании словом эти признаки никак носителями языка не осознаются.

Спасибо – от *спаси Бог*, но в современном употреблении бог тут не при чем, идея бога никак не актуализируется при употреблении слова.

Внутренняя форма – это один из признаков значения, иногда яркий, чаще – забытый, но в любом случае совсем не главный для понимания и употребления слова сегодня. Он интересен для анализа, но на него нельзя опираться в интерпретации современного значения слова и, тем более, современного менталитета народа.

Кстати, еще о душе: слово *душа* многозначно – это и крепостной крестьянин, который мало связан с проблемой ценностей; а какую духовность, какие ценности «сохраняют» слова *душегуб*, *душегубка*, *душеприказчик*?....

Отождествление внутренней формы слова с теми или иными ценностями, духовностью не имеет под собой никакой научной основы.

Духовность русского народа неоспорима, но она сохраняется не благодаря существованию нескольких слов словам с корнем *душа*, а благодаря преемственности в жизни общества. Кстати, именно нарушение преемственности может привести к снижению уровня духовности народа. Язык не *хранит* духовность и ценности, он *называет* их, позволяет их *обсуждать*.

Духовность, те или иные ценности при помощи языка *фиксируются*, *номинаруются*, а также *сообщаются* – тогда, когда духовность, ценности *обсуждаются*, но в самом языке никакие ценности и никакая духовность не «содержится» и не «хранится». Языком можно, кстати, говорить и совершенно бездуховные вещи – это ведь вовсе не значит, что язык «хранит» и «содержит» бездуховность, несет в себе бездуховность?

Язык не отвечает за духовность говорящих на нем людей и народа в целом, за национальные ценности тем более - как трактор не отвечает за урожай: за урожай отвечают люди, работающие на тракторах.

Научный подход к языку однозначно свидетельствует о сказанном выше.

И об иностранных словах.

Если кому-то не нравится, что вокруг него много стало звучать иностранных слов, пусть он борется с теми людьми, в чьей речи они звучат – пусть объяснит им (попробует!), почему их надо употреблять меньше, - чтобы речь была понятнее для слушателей; пусть объяснит, как их правильно употреблять, где они уместны, а где нет. Но пусть при этом он не апеллирует к тому, что употребляющие иностранные слова люди *портят русский язык*, *засоряют русский язык*, а он пусть не думает, что при этом он якобы *защищает русский язык* - он в лучшем случае заботится о культуре речи людей, хотя в большинстве случаев такая личность обычно не выходит за рамки возмущения отдельными словами и словоупотреблениями.

4. Нельзя отождествлять личное субъективно-оценочное неприятие тех или иных слов и выражений с порчей языка и подрывом национальных ценностей.

Многим жителям Воронежа непонятно и вызывает их возмущение выражение «*городской округ г.Воронеж*». Действительно, звучит неуклюже и странно. Но это термин из принятого закона об административном делении РФ. Это бюрократический, официальный административный термин. Его можно критиковать, но его нельзя исключить из официального документооборота, нельзя не употреблять в официальных бумагах.

Ср. также высказывание одного профессора-филолога о термине «рынок образовательных услуг»:

«Не может душа жить на рынке, она туда на час заходит, за продуктами. Она должна жить на ниве просвещения. А тот, кто подвизается на рынке образовательных услуг, торгует душой и продает родину!» (ВК, 5 февраля 2011 г).

Если слово или термин кому-либо, в том числе и филологу, не нравится, можно его не употреблять, можно мотивировать с научной точки зрения его замены, найти лингвистические аргументы для его замены, но нельзя отказывать ему в праве на существование – если это не ошибка, а просто новое слово или выражение. Язык непрерывно развивается, и это не имеет никакого отношения к идеологии и патриотизму - у него свои законы

А обвинять использующих новые слова, значения, термины людей в измене родине – вообще за пределами понимания нормального человека.

Мне лично, например, не нравятся некоторые слова и выражения: *деверь, золовка, франшиза, сорочка, большой разговор, в проблеме разбирался* (журналист такой-то разбирался - обычно он ни в чем не разбирается). Но это мое личное мнение, личное отношение к словам, и я как лингвист, как ученый не могу призывать эти слова запрещать - их употребление в русском языке никак не ошибка. А как носитель языка я могу их избегать в употреблении.

Надо различать эмоциональное отношение к языковым фактам, личные языковые пристрастия с одной стороны, и научный подход – с другой. Для ученого именно научный подход является основным. Он в первую очередь должен разграничивать личные эмоции, личностные пристрастия при интерпретации языковых изменений и объективный научный подход к языку. Тем более ученый, особенно филолог, не должен категорично транслировать свои субъективные оценки и псевдонаучные лингвистические мифы в общественное сознание - именно потому, что он *ученый* и его миссия – нести научные знания, а не поддерживать и тиражировать научные мифы.

Избавиться в обществе от мифов, в том числе лингвистических, вряд ли возможно - мифы необыкновенно устойчивы. Но мифы ждут выявления, объяснения и смыслового истолкования со стороны науки.

Подчеркнем еще раз, что мифологические концепты и стереотипы в принципе не поддаются однозначному истолкованию. Однако, объясняя мифологичность того или иного лингвистического концепта или стереотипа, можно предложить «мифоносителям» приблизительные, возможные варианты понимания высказываний, содержащих эти концепты и стереотипы – с целью пояснить, в каком реальном смысле данные высказывания фактически функционируют в речи, как их можно понимать и интерпретировать. Например:

Русский язык - великий и могучий – я очень люблю русский язык, он мне очень нравится

Русский язык наводнили иностранные слова – я слышу вокруг много иностранных слов, которые я не понимаю, и они меня раздражают

Русский язык наводнен жаргоном и сленгом - я слышу вокруг много жаргона и сленга, которые мне не нравятся и которые меня раздражают.

Язык – душа нации – язык важен для существования нации

Русский язык портят – я слышу вокруг очень много слов, которые мне не нравятся

Я защищаю русский язык – я люблю русский язык, призываю людей обращать на него внимание, следить за своей речью (защищать русский язык не от кого – никто на него не нападает) и под.

Такой подход, не отрицая факта существования стереотипов, позволяет объяснить носителям этих стереотипов реальный смысл соответствующих высказываний и ориентировать носителей языка на не-буквальное понимание этих стереотипов.

Лингвистические мифы и стереотипы подлежат выявлению и преодолению, и это одна из важных общественных задач ученых-филологов, о чем писал в своих интересных и содержательных работах В.Б.Кашкин, взгляды которого на проблемы лингвистической мифологии подлежат дальнейшему изучению и развитию.

Литература

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине языка: Язык о языке: /Под ред Н.Д.Арутюновой. - М.,2000. – С.7-19.

Голев Н.Д. Русское обыденное метаязыковое сознание и языковое строительство // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1.: коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009.- С.371-386.

Кашкин В.Б. Обыденная философия, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология / В.Б. Кашкин // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1. : коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 41-61.

Кашкин В.Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика. - Вып.3. - Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. – С.4-34.

Кашкин В.Б. Научные теории и бытовые представления о языке. // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика. – Кемерово: Барнаул, 2008. –С.30-44.

Лебедева Н.Б. Особенности метаязыкового сознания профессиональных юристов (опыт группового портрета) / Н.Б. Лебедева // Обыденное метаязыковое сознание : онтологические и гносеологические аспекты. Ч.1. : коллективная монография / отв. ред. Н.Д. Голев. – Кемерово ; Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2009. – С. 313-321.

«Русский язык». Энциклопедия. – М., Русский язык, 1998.

Симанова Т.А. Развитие концептов «русский язык» и «родной язык» в языковом сознании иностранных студентов (экспериментальное исследование). - Автореф. дисс...канд. фил. наук. - Воронеж, 2010. -18 с.

Стернин И.А. О некоторых дискуссионных проблемах лингвокультурологии // Человек. Язык. Культура. – Т.1. -Киев: Издательский дом Д.Бураго, 2013. –С.138-149..

Стернин И.А. Русский язык в обыденном сознании («великий, могучий, правдивый, свободный» - это какой?) - // Проблемы преподавания филологических дисциплин иностранным учащимся. – Воронеж, 2014. - С.12-17.

Стернин И.А.-2. Обыденное сознание и языковые мифы («Великий, могучий, правдивый, свободный» - это какой?) // Общество и человек. -№ 1(7). -2014. – С. 95-104.

Тавдгиридзе Л.А. Концепт «Русский язык» в русском языковом сознании». Автореф. дисс. ...канд. филол. наук. - Воронеж, 2005. - 18 с.

Стернин Иосиф Абрамович. Воронеж, Воронежский ГУ, д.ф.н.
sterninia@mail.ru